

ПАМЯТНИК НЕИЗВЕСТНОМУ АКТЕРУ

О театральной жизни ГУЛАГа и будущем музее

Сохранившаяся со времен ГУЛАГа часть театра в Печоре.

Жан-Пьер Тибода

ПРИНЯТО говорить, что *все возможно в ГУЛАГе*, — так начинает Александр Солженицын главу, посвященную «музам в ГУЛАГе». Бывший зек рассказывает в ней о различных культурно-просветительских кружках, о библиотеках, о постановке «Свадьбы» Чехова, о том, какие пьесы игрались артистами из «культбригад». Солженицын участвовал во всем этом с той же целью что и его товарищи: «Теперь же, в лагере, то и дело выступал в концертах, тянулось освежиться в этом коротком неверном забвении, увидеть близко женские лица, возбужденные спектаклем». Он рассказывает о любительских труппах, состоящих из одних мужчин или из одних женщин, которые создавались по приказу руководства лагеря в разных частях архипелага.

Далее, не вдаваясь в подробности, Солженицын пишет о крепостных театрах ГУЛАГа, в которых играли профессиональные актеры, работали сценографы и музыканты — это были «враги народа», приговоренные по 58-й статье. Самый знаменитым из таких театров был Ховринский крепостной театр полковника МВД

Мамулова. Были и другие — «в Воркуте, в Норильске, в Соликамске, на всех островах ГУЛАГа», в Магадане тоже.

Некоторые актеры, прошедшие через ГУЛАГ, написали об этом воспоминания — например, Александр Клейн, который с выражением, надрывом исполнит вам по телефону, прямо из своей квартиры в Сыктывкаре басню Лафонтена по-французски...

Систематическим исследованием этой темы занимается сейчас Джудит Деполь (французская актриса, прекрасно говорящая по-русски), для чего французское правительство предоставило ей специальную стипендию. Я сопровождал ее в поездке, и мы увидели то, о чем писал Солженицын.

В музее Воркуты, последнем городе Крайнего Севера перед тундрой, театр занимает почти столько же места, что и угольные шахты, которые начали разрабатываться в 30-е годы. «Генерал Мальцев, который руководил лагерями Воркуты, обожал театр. Поскольку среди заключенных было много актеров, музыкантов и танцоров, летом 1943-го он решил построить в Воркуте собственный театр», — объясняет нам гид Анжелика Федорова. Во главе театра Мальцев поставил одного из заключенных (как и большинство его то-

варишей, попавшего под статью 58-ю). Борис Мордвинов, бывший режиссер Большого театра, создал труппу из 27 актеров и вокалистов, кордебалет и симфонический оркестр из двадцати музыкантов. Театр на 462 места, построенный в рекордно короткий срок (три месяца), открылся первого октября 1943 года опереттой Кальмана «Сильва». В главных ролях Наталия Глебова, «вольная» актриса, певица, приехавшая из Ленинграда в Воркуту вслед за мужем, назначенным начальником котельной, и Борис Дейнека, актер-заключенный и знаменитый певец. Спектакль имел огромный успех и был сыгран около сотни раз.

Вообще в Воркуте сложился актерский ансамбль высокого класса. Здесь можно было встретить Токарскую, знаменитую актрису Московского Театра сатиры, — она с успехом играла в «Малемузель Нитиш» все пять лет, проведенных ею в лагерь Воркуты. Играли Островского, Шекспира, Мольера, танцевали «Баядерку», исполняли «Травиату» и, конечно, весь репертуар советских авторов. Вход на спектакли был бесплатным, игрались они три раза в неделю. Не только лагерный персонал, но и любой житель закрытого города Воркуты мог прийти сюда. Заключенные имели право посещать спектакли при на-

личии пропуска. Были также гастроли в лагерях, где актеры выступали в лагерных столовых. К каждому спектаклю выпускалась скромная программка — сложенный пополам лист с логотипом «Музыкально-драматический театр лагерей Воркутинского края».

«Актеры жили в тех же бараках, что и другие заключенные, работавшие в шахтах», — рассказывает Анжелика Федорова. Утром их отводили под конвоем в театр, после спектакля приводили обратно в лагерь. На сцене они были королями, облаченными в прекрасные костюмы, в жизни — носили лагерную робу с номером. Некоторые не выдерживали. Стоянов, первая скрипка местного оркестра, повесился. Актер оперетты Кутковский плакал в гримерной, повторяя слова своей роли: «Да, я шут, я циркач, и что же, пусть меня так зовут вельможи...» Его заставляли играть, хотя он был тяжело болен, умер он в лагере».

Мария Вундер, некогда «вольная» актриса Воркутинского театра, и сегодня живет в Воркуте. Она тоже вспоминает об одной танцовщице, которую заставляли настолько выступать, когда та была очень больна. Товарищи вынесли ее на сцену в момент поклона уже мертвой... Яков Вундер, будущий муж Марии, был заключенным, выполнявшим работу декоратора в Театре Воркуты, — делал замечательные эскизы. Некоторые из них Марии удалось сохранить. Их роман проходил в глубокой тайне, поскольку связь между «вольными» и заключенными была строжайше запрещена. Но все раскрылось, и беременная Мария уехала в Казахстан, а муж ее был отправлен в лагерь строгого режима. Когда его в 52-м освободили, они поженились и остались жить в Воркуте.

После смерти Сталина в 53-м году и постепенного освобождения заключенных труппа Воркутинского театра распалась. А в 57-м году сгорело помещение театра. «Театр в Воркуте уже не смог вернуться на уровень того времени, — вздыхает Ива Шварцшарк, народная артистка, приехавшая сюда в 66-м году. — Все, что я знаю о театре ГУЛАГа, мне рассказали здесь, — говорит она обаятельным голосом заядлой курильщицы. — Знаете, а ведь заключенным аплодировать запрещалось». Возможно, это только легенда, поскольку некоторые актеры ГУЛАГа утверждают обратное.

Сегодня в труппе Театра Воркуты двадцать три актера — «вообще их должно быть тридцать, но мало желающих работать на Севере». Спектакли проходят три раза в неделю, как во времена ГУЛАГа. Раньше мы выступали пять раз в неделю, но шахты закрываются, и люди уезжают».

От старого театра осталось несколько костюмов, спасенных от пожара, и пьесы про лагерь. Но ни один из авторов не рискнул использовать в качестве сюжета театр в лагерьях.

Юрий Кожевин родился в 1951 году в лагере, находившемся в Печоре, — на линии железной дороги, построенной зеками между Сыктывкаром и Воркутой. Ребенка у матери отобрали после того, как она вышла на работу, на тринадцатый день после родов... Мать нашла сына в 56-м году — и далеко не всем детям ГУЛАГА так повезло!

Юрий учился в Театральном институте в Ленинграде, но потом решил вернуться в Печору: «Я здесь родился, и здесь моя судьба, и я ни о чем не жалею, как поэт Эдит Пиаф». Он нашел нечто большее, чем карьера, — смысл жизни. В Печоре тоже существовал лагерный театр. Он сохранился и по сей день, а Юрий стал его ди-

ректором. Проведя пять лет в переговорах, мэр хотел построить на месте театра рынок, и только в 95-м году Юрий Кожевин смог прикрепить на фасад своего театра памятную табличку — *омаж* узникам ГУЛАГА, игравшим в этом театре.

Сегодня театр, кажется, полон тенями прошлого. Юрий называет его так: «белая птица над черными бараками». Черные бараки лагеря исчезли, но белые колонны театра стоят по-прежнему. С тех, лагерных, времен остался пурпурный занавес сцены. Он поднимается перед зрительным залом на 420 мест без балконов, но с четырьмя ложами, в которых раньше сидело начальство местного ГУЛАГа. В глубине — кресла той эпохи. И в уголке сцены — Steinway 1875 года, совершенно расстроенный. Его привезли сюда в 46-м году.

Юрий Кожевин до сих пор не может спокойно говорить о прошлом — оно для него слишком личное. В Печоре пересекаются различные эпохи — как на здешнем кладбище, где умерших хоронят сегодня на костях узников ГУЛАГа. В кабинете Юрия витрины с фотографиями спектаклей времен ГУЛАГа. Вот шкаф с костюмами: на них два штампа — московского театра и печорского, лагерного... Сегодня эти реликвии надевают молодые актеры, соратники Юрия. Актеры-любители во главе с Борисом Багинским и громогласной Антониной Астаховой, которая работает в железнодорожной кассе (и, как никто, умеет подражать Алле Пугачевой!). Эта молодая труппа не играет ни одной пьесы из обычного репертуара. В основном ставятся пьесы, написанные самим Юрием, и в них нет ни единого персонажа, носящего русское имя, — любопытная особенность!

Дети ГУЛАГа, Юрий и его сестра, были ссыльными, и реабилитировали их совсем недавно. Неудивительно, что спектакли «сына лагерей» представляют собой «грёзы в шрамах», в которых бродит, как привидение, смерть (одна из последних пьес Кожевина связана с темой СПИДа).

Все в Печоре напоминает время лагерей: здание городского музея было раньше администрацией ГУЛАГА, больница № 8 так и остается больницей, школа № 49 находится в бывшем здании управления лагерей. В подвале театра до сих пор есть карцер, в котором держали актеров-зек, считавшихся опасными, — с зарешеченной дверью, такой же, как и тюремная дверь, из которой актеров под конвоем выводили на сцену.

Юрий Кожевин подвержен воздействию этих воспоминаний ровно настолько, насколько они являются материалом для его работы. Его «Театр ГУЛАГа» одновременно и музей, и центр информации. Вот фотография джазового оркестра, состоящего из заключенных, вот скрипачи из Одессы, фотография Каманзадзяна, армянского фокусника, также бывшего узника. В папке с материалами в библиотеке театра встречаются иностранные фамилии: Cocessi, декоратор из La Scala. Все эти люди прошли через лагерь.

Юрий убежден, что заниматься театром в этом богом забытом месте, просто необходимо. Ибо все слишком легко может исчезнуть из нашей памяти. 22 июля 1996 года здание театра Печоры было занесено в список памятников, находящихся под защитой правительства Республики Коми. Сегодня директор театра лелеет новую мечту. Закуривая «Беломор» (он курит только этот сорт папирос — в знак памяти о лагерях), Юрий рассказывает, что перед зданием театра, в центре площади, с небольшим сквером вокруг стояла раньше статуя Ленина. В апреле 94-го ему отломали руку, а в 96-м статую убрали совсем. Остался пьедестал, на котором Юрий хочет поставить памятник всем театрам ГУЛАГа — фигуру Неизвестного Актера.

Если когда-нибудь будет создан музей Театра ГУЛАГа, можно представить в нем экспонат — нечто вроде трона, до того нагруженного воспоминаниями, что на нем образовались трещины. Вытерта кожа сморщившейся обивки, но на спинке осталось невредимым изображение королевской короны. Сколько Лиров и Голуновых здесь восседали когда-то, полируя подлокотники, до сих пор сохранившие этот блеск? Вот кресло — оно принадлежало еще одному театру ГУЛАГа — в Инте. Пока оно стоит в одном из кабинетов местного музея. А на том месте, где находился Интинский лагерь, сегодня футбольное поле. Здание Интинского театра стало Домом культуры шахтеров.

Перевод с французского
Татьяны Могилевской

«Вольная» актриса Музыкально-драматического театра лагерей Воркутинского края Мария Вундер в 1998 году.

Театр ГУЛАГа

13.2.98

Независимая газета,
— 1998, — 13 февр. — с. 13

Театр ГУЛАГа